

ЖАКЛИН ФРОСТ

Убийство в сочельник

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф92

Jacqueline Frost

TWELVE SLAYS OF CHRISTMAS

Copyright © 2017 by The Quick Brown Fox & Company LLC

Художественное оформление *Анастасии Зининой*

Фрост, Жаклин.

Ф92 Убийство в сочельник / Жаклин Фрост ; [перевод с английского А. Д. Кучиной]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Tok. Детективные каникулы).

ISBN 978-5-04-249034-7

В воздухе пахнет корицей и свежими имбирными пряниками, повсюду горят гирлянды, и все в городке Омела пропитано атмосферой приближающегося праздника. Вот только хорошее настроение есть далеко не у всех. Холли Уайт прямо перед свадьбой бросил жених, и ей пришлось вернуться к родителям на елочную ферму «Оленьи игры». Казалось, худшее позади, пока одной морозной ночью девушка не находит на семейном участке труп в санях...

Маргарет Фенвик, президент Исторического общества и весьма надоедливая пожилая леди, оказалась заколота колышком в виде леденца. И к несчастью, сразу после громкой ссоры с отцом Холли. Теперь ферма закрыта, подозрение лежит на семье Уайт, а ежегодный фестиваль оказался под угрозой срыва. У Холли есть двенадцать дней до Рождества, чтобы обелить имя отца и не дать преступнику уйти от ответа.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Кучина А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-249034-7

Моим родителям —
за бесконечные праздники,
полные волшебства

ГЛАВА 1

— Две чашки коричного чая Санты, пряный яблочный сидр и мятное какао, — сказала я, ставя кружки на столик, за которым сидели розовощекие женщины в одинаковых праздничных свитерах. Увидев фирменные напитки моей мамы, они потянулись вперед. Я опустила в чай и сидр палочки корицы, а в какао — полосатый леденец-тросточку.

Женщины причмокнули. Стоило им взяться за напитки, как воздух наполнился мягким сладким ароматом.

Я сунула пустой поднос под мышку и поставила в центр столика корзинку теплого печенья.

— Три сахарных печенья с корицей и одно рождественское с кусочками шоколада, все с пылу с жару.

— О, — пропели дамы.

— Волшебное местечко, — сказала рыжая. — В ремесленной лавке можно купить такое ожерелье?

Я прикоснулась к декоративным мармеладкам на ключице.

— О нет. Эту штучку я сама сделала.

— Понятно. — С каждым глотком горячего сидра ее очки запотевали все сильнее. — Очень жаль. Красивое. Такое забавное.

Она как будто подбирала слово поточнее.

— Очаровательное. — Женщина удовлетворенно улыбнулась. — В рекламных проспектах пишут чистую правду. Елочная ферма «Оленьи игры» — рай для отдыха. И про игры — это не шутка! Мы завтра вернемся, чтобы украсить имбирный домик. А еще я хочу попробовать слепить большого снеговика. Всегда их обожала.

— У вас так интересно, — подтвердила ее соседка. Она разгладила смятый флаер на столешнице. — «Двенадцать дней оленьих игр». Потрясающе. Возможно, мы задержимся подольше и посетим их все. Мы на пенсии. Времени полно.

Я опустила ладони на стол и заговорщически улыбнулась.

— Если останетесь на сочельник, не пропустите «Снежный перекат». Жители городка выстраиваются вдоль длинного ледяного спуска и подбадривают участников, которые мчатся вниз со своими снежками. В начале горки те кажутся крошечными, но к подножию становятся огромными и могут сбить с ног.

Дама с какао взмахнула ресницами и застонала, взбитые сливки с посыпкой были на ее верхней губе.

— Поверить не могу, что мы здесь никогда не были. Это наш первый приезд на елочную ферму, но точно не последний.

— Не последний, — поддержала еще одна женщина из группы.

— Однозначно, — подтвердила третья.

Я искренне улыбнулась.

— Чудесно. С нетерпением жду вас на играх этой недели и на следующее Рождество.

Произнесенные вслух, эти слова вызвали такую волну боли, что я задержала дыхание. *Откуда я знаю, где буду через год? Меня и сейчас тут быть не должно было.*

Я должна быть в Портленде, штат Мэн, и считать дни до свадьбы в канун Рождества, но три дня назад уже бывший жених бросил меня. Он заявил, что встретил в фитнес-клубе более осознанную девушку. Мне показалось, что под этим словом он подразумевал *помоложе и посимпатичнее*, но уточнять не стала. Заказала грузовик для перевозки вещей и поехала домой, в Омелу, штат Мэн, где никто не бросается дурацкими словечками типа «осознанная».

Входная дверь распахнулась, меня обдало порывом ветра и снега. Клиенты поплотнее закутались в одежду, ни на секунду не отвлекаясь от разговоров и десертов.

Женщина, в которой я узнала Полу Бич с кленовой фермы неподалеку, стоптала снег с сапог и оглядела помещение. Мы с ней вроде как незнакомы. Она старше моих родителей, и я помню ее еще со времен своего детства. Пола помахала группке местных за общим столом.

— Она мне штраф выписала. Как вам такое? — спросила у них Пола, стряхнула снег с плеч и с трудом закрыла дверь. — Выписала штраф на пятьдесят семь долларов за то, что я выкрасила сувенирную

лавку в оттенок розового, которого нет в ее дурацком справочнике исторически достоверных цветов.

Ее друзья возмущенно заохали. Одна из компании подтолкнула поднос с общими имбирными печеньями в сторону Полы и спросила:

— Что на нее нашло?

— Ум за разум у нее зашел, вот что.

Пола ослабила шарф и стряхнула на пол больше снега.

— А я вот что скажу — платить *не* собираюсь.

Она опустилась на пустой стул между друзьями.

Я подошла принять заказ.

— Здравствуйте, я Холли. Что вам предложить из «Очага»?

«Очагом» называлось кафе на елочной ферме, но мне нравилась легкая игра слов. Многие, правда, ее не замечали.

— Кофе, — пробурчала новая клиентка. — Черный. Мне еще всю ночь не спать и планировать месть.

— Я могу чем-то помочь? — Я улыбнулась, надеясь поднять ей настроение до того, как остальные гости заразятся ее желчью.

— Да. Если увидите тут Маргарет Фенвик, возьмите двойную оплату или добавьте к счету пятьдесят семь долларов и скажите, что это штраф за шапку не того цвета.

— А.

Фенвик. Теперь я поняла, в чем дело. Между владельцами магазинов и Историческим обществом Омелы шла бесконечная битва. В нашем живописном городке местные собственники с удовольстви-

ем сдавали недвижимость в аренду, но очень не любили все правила и предписания, которые требовалось выполнять. Поэтому пытались вылезти за рамки, но их сдерживало Историческое общество. Его президентом, сколько я себя помню, всегда был кто-то из семьи Фенвик.

Я пошла к стойке за кофе для Полы.

Делорес Каттер забралась на барную табуретку и поприветствовала меня улыбкой.

— Холли Уайт! Глаз не оторвать. Красавица, как всегда. Ты подстриглась.

— Привет, Куки!

Я стиснула ее в объятиях. Умерший муж Делорес, Теодор Каттер, дал ей прозвище Куки, потому что она любила печь. Я звала ее Куки Каттер[1] лет десять, не меньше, прежде чем поняла, в чем шутка.

— Спасибо. Приятно вернуться домой.

— У гостевого дома грузовик с твоими вещами?

— Да. Я приехала вечером.

— Как дорога?

— Хорошо.

Хотя мысль о том, что все нажитое добро вместилось в грузовик, который я сама перегнала из Портленда в Омелу без дозаправки, немного напрягала. Кошка, которую я забрала с улицы, Синди Лу, ехала рядом, на переднем сиденье.

— Я так тебе рада. Я уже говорила? — спросила Куки. Ее кудрявые седые волосы напоминали

[1] Созвучно с *cookie cutter* (*англ.*) — формочка для печенья.

облачко, а голубые глаза всегда лучились энтузиазмом. Куки видела и делала то, что я себе даже вообразить не могла. Она торговала сигаретами в клубе, была знакома с Фрэнком Синатрой и пережила двух мужей. В год, когда я поступила в колледж, Куки выиграла в государственную лотерею. Так что блеск в глазах оправдан.

— Нет, — я улыбнулась. — Ты сказала, что тебе нравится моя стрижка.

Я заправила прядь прямых, как струна, волос за ухо. Обычно я ношу длину до плеч, но к моменту приезда в Омелу она сократилась на шесть дюймов. Я увидела придорожный салон красоты у Вестбрука и заглянула туда, недолго думая. Мне нужно было встряхнуться, поэтому я оставила там тридцать долларов и половину своих волос.

— Что нового? — спросила я, наслаждаясь искоркой в глазах Куки и теплой непринужденной улыбкой.

— Ничего особенного. Снаружи Маргарет Фенвик ругается с оленеводом. Говорит, вашей елочной ферме на этих ребят нужно разрешение, как на скот. Я попыталась заступиться, но она стала угрожать Теодору.

Я покачнулась на каблуках.

— Твоему умершему мужу?

— Моему козлу.

Куки положила шапку и перчатки на стойку.

— Я назвала его в честь мужа. Порода пигмей. А еще бородка прямо как у Теодора Первого. Никакой он не скот, черт побери. Он член семьи.

Я улыбнулась.

— Ей должно быть стыдно.

— Не то слово.

Куки помурлыкала в унисон с песней *Jingle Bell Rock* и постучала пальцами по стойке.

— Может, нальешь мне мятного чайку с порцией шнапса?

У меня вырвался неожиданный смешок:

— Может, просто чаю?

— Ну ладно, — ответила Куки. — Ты же знаешь, я пошутила. — Она водрузила себе на колени гигантскую стеганую сумку и раскрыла ее. — Я принесла шнапс с собой.

— Хо-хо-хо!

Я обернулась на громогласный папин голос из другого угла.

— Счастливого Рождества!

Он похлопал себя по животу и выгнул спину. На плече у него висел огромный джутовый мешок.

Я поторопилась отнести черный кофе Полы на столик у двери.

— Как тут моя малышка? — спросил папа. Он опустил мешок и обнял меня; рукава плаща казались ледяными. Снег с его шапки упал мне на волосы.

— Чудесно, спасибо, что спросил.

Папа был моим личным Полом Баньяном. Ожившим определением лесника. Дровосеком по профессии, характеру и праву рождения. После полувека катания бревен и рубки деревьев папа сам стал размером и упрямством напоминать дуб. Но обнимался он лучше всех. И сейчас отпустил меня, поцеловал в лоб.

Возможно, чертами лица и творческой жилкой я пошла в маму, но рост и дружелюбие у меня от отца. Я чуть ниже — он шесть футов и один дюйм, я пять футов и восемь дюймов, — но все равно выше мамы на целых шесть дюймов[1]. А вот карие глаза и волосы я взяла у обоих.

— Привет, папа. Чего пожелаешь?

— Хотелось бы снова почувствовать пальцы, — поддразнил он. — И на ногах тоже.

— Может, кофе?

Отец со стоном стянул тяжелые перчатки.

— Соглашусь.

— Замечательно. — Я пошла за кружкой. — А что в мешке? Он размером с меня.

— Указатели для грядок.

Папа развязал шнурок и вытащил деревяшку длиной в три фута[2]. Она была раскрашена под полосатый леденец-тросточку и заострена с одного конца. Папа повернул ее так, чтобы стало видно три буквы, нанесенные по трафарету: «ЕЛЬ».

— Для елей и сосен тоже есть. Мама говорит, так людям будет проще разобраться и найти то, что нужно. Она красиво раскрасила указатели, а я теперь вкапываю их в землю в конце ряда с соответствующими деревьями.

— Умно. И очаровательно.

— Я отлично проводил время, пока мороз не загнал меня внутрь погреться. — Папа потер ладони

[1] 185,42 см; 172,72 см; 15,24 см.

[2] 91,44 см. 1 фут = 30,48 см.

друг о друга и подышал на них. — Кажется, пахнет свежими бисквитами с кремом.

— Возможно.

Обычно мама пекла без передышки с Хэллоуина по Новый год, и эти вкуснейшие шоколадные лакомства стали семейной традицией Уайтов.

— Может, закончу на сегодня, если и правда бисквиты готовы, — сказал папа. — Закину мешок в амбар и закончу завтра.

— Давай, — поторопила Куки. — И дай знать, если хочешь чашечку чаю.

Мама вышла из кухни в облаке сахарной пудры и какао. Ее короткие каштановые волосы были завиты в небрежные локоны и заправлены за уши, как у меня. А в руках, которые скрывались под кухонными рукавицами, она держала огромный поднос свежих бисквитов.

При виде мамы все замолчали. А потом начали махать.

— Иду!

Я пошла принимать заказы на бисквиты, пока сама их все не съела. Оказаться дома на Рождество — та самая передышка, в которой я так нуждалась. Я скучала по «Очагу», по столам шоколадного цвета на черных, будто лакрица, ножках, каждый из которых был сделан вручную. Обстановка кафе напоминала пряничный домик — люстры, похожие на леденцы, освещали раскрашенные в полоску кабинки, а на окнах висели белые кружевные занавески. В детстве все свои беды и печали я несла сюда. Смерть питомцев. Предательство друзей. Невзаимные влюбленности. И все